

вой, подвигом»¹. Возможность же действительной социальной мобильности для большинства членов экстремистских групп возникает лишь в случае, если группа придет к власти или хотя бы добьется статуса легального общественного института. При этом все экстремистские группы чаще всего не используют в своей пропаганде ценности власти, богатства, престижа. Таким образом, ценности третьего типа высоко актуальны для экстремистов, для лидеров они носят определяющий характер. Классическим примером здесь может служить фраза Л. Р. Хаббарда о том, что если хочешь разбогатеть, нужно основать собственную религию². Рядовые же экстремисты повышают свой статус психологически, осознавая себя грозными борцами за великое дело.

«Последний, четвертый тип ценностей формируется вокруг универсально значимых ориентиров, имеющих родовой смысл, таких как истина, добро, справедливость, вера и красота»³. Подобные ценности, безусловно, высоко актуализированы экстремистами. Но исключительно в трактовке, данной самой группой. Истина – учение вождя, добро и справедливость – то, что соответствует целям организации, вера также истинна и свята лишь в трактовке основателя группы, высшая форма красоты – красота «подвига» во имя организации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ценности, актуальные для большинства людей, для экстремистов имеют либо сниженную значимость, либо необщепринятую трактовку. Исключением является лишь ценность для ряда экстремистских лидеров богатства и власти. Если обратить внимание на то, что снижение значимости индивидуальных ценностей мотивируется «долгом» перед организацией, а необщепринятая трактовка ценностей групповых – результат «творчества» ее лидера, то можно понять, что главными ценностями для экстремиста являются сама экстремистская группа, авторитет ее лидера и достижение ими поставленных целей.

М. В. ДЁМИНА

студент Уральского федерального университета

ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ КОНФЕССИЙ: КОНСТРУКТИВНОЕ И ДЕСТРУКТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ (НА ПРИМЕРЕ ХАСИДИЗМА)

В настоящее время вопрос определения критериев деструктивности религиозных течений и культов активно обсуждается. До сих пор не вполне ясна терминология (например, существуют разные точки зрения на правомерность понятия «секта»), часто попытки определить деструктивность религиозных движений связываются с политическими интересами или продиктованы личными религиозными убеждениями автора той или иной концепции. С этой точки зрения полезно было бы рассмотреть историю той или иной конфес-

¹ Савинков Б. В. Воспоминания террориста // Савинков Б. В. Избранное. М., 1990. С. 67.

² См.: Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Н. Новгород, 2000. С. 171.

³ Плотников В. И. Указ. соч. С. 373.

сии, причины её появления, особенности, оценку и принятие господствующим в определённом обществе религиозным большинством и современное положение. В конце концов, деструкция и экстремизм проявляются в конкретных действиях последователей конфессии и их исторических последствиях. Исследуя пути исторического развития и отличительные особенности религиозных течений, можно приблизиться к выделению конкретных критериев деструктивности в религии. Для исследования был выбран хасидизм как одна из признанных на данный момент конфессий иудаизма.

Иудаизм является достаточно консервативной религией. Возможно, это связано с историей еврейского народа, с попытками сохранить собственную идентичность в окружении других культур. Однако другие культуры и внешние процессы так или иначе оказывали влияние на развитие иудаизма. Происходили изменения и внутри самой диаспоры. Таким образом, как и в любой религии, со временем внутри иудаизма стали выделяться различные течения. Можно сказать, что иудаизм довольно долго сохранял цельность, и реакция на вновь появлявшиеся ответвления всегда была достаточно резкой.

Начиная с Нового времени, образование новых течений внутри иудаизма обуславливалось реакцией на духовное влияние Просвещения. Часть евреев Европы примкнула к просвещенческому движению (так появилось движение Хаскала), другая же часть, напротив, начала усиленно отрицать идеалы Просвещения и усиливать закрытость еврейских общин в попытке сохранить самобытность. Движение Хаскалы в последствие станет основой для выделения реформистского иудаизма. А одним из наиболее значительных реакционистских течений станет хасидизм.

Хасидизм как религиозное течение оформляется в Восточной Европе в XVIII веке, т. е. преимущественно в период жизни человека, который считается основателем хасидизма – Израэля Бен Элизера, который стал известен как цадик под именем Баал Шем Тов (в переводе с иврита это означает буквально «обретший благое имя»). В своём мировоззренческом содержании хасидизм отвергает идеалы Просвещения, царившие в то время в Европе, а также и ортодоксальную еврейскую учёность – посвящение себя изучению священных текстов. Хасидизм – не религия мудрецов и толковников Торы, но религия «простецов» (хотя значимость изучения Торы и Талмуда, безусловно, не отвергается полностью, так же, как и соблюдение определённых обрядов). Акцент здесь сделан на личном переживании Бога, на личной праведности и харизме учителей (цадики). Связь с Богом обретается с помощью исполнения своих повседневных мирских обязанностей и личной обращённости к Богу, но не путём жёсткой аскезы и ухода от мира. Все культурные формы, в которых проявлялся хасидизм, свидетельствуют об этом: хасидские притчи, песни, танцы, общие застолья, радость как обязательный атрибут служения Богу, молитвенный экстаз. Даже мистическое учение Каббалы становится открытым для простых людей – в своих поучениях цадик практически не используют специфических каббалистических понятий, гораздо более важным в хасидизме становится не понимание теоретической основы, не

знание священных текстов, но умение направить всю свою мирскую жизнь, все свои бытовые дела к Богу.

Выделение хасидизма было обусловлено стремлением оградить еврейские диаспоры Восточной Европы от влияния просвещенческих идей, противостоять процессу ассимиляции евреев, кроме того, свою роль сыграли и притеснения евреев (обычно среди причин указывают многочисленные казацкие войны и восстания гайдамаков на рубеже XVII–XVIII веков, которые сопровождались еврейскими погромами¹). Но в стремлении отгородиться отрицались не только европейские идеалы, но и традиционный для иудаизма приоритет религиозной учёности, рационализма. Таким образом, противниками хасидизма становились как представители традиционного раввинистического иудаизма, так и евреи Хаскалы. Хасиды осуждались, с одной стороны, за отрицание основ иудаизма, свободное истолкование вероучения и священных текстов, а с другой – за «отсталость», закрытость общин, отрицание прогресса и возможности ассимиляции в европейские общества.

В контексте разговора о религиозной норме и девиации, конструктивном и деструктивном содержании того или иного религиозного учения, важно рассмотреть устройство общины. Итак, община миснагдим (в переводе с иврита означает «противящиеся»), сторонники традиционного раввинистического иудаизма) построена по принципу пирамиды (подобную классификацию еврейских общин даёт, например, Пинхас Полонский в своих лекциях по философии иудаизма²). Существует определённая учёная верхушка, это не обязательно один раввин, у него могут быть особо приближённые ученики, но, тем не менее, на вершине пирамиды стоит небольшое количество людей. Основу же пирамиды составляет простой народ. Верх и основа практически не имеют связи друг с другом. Так, например, Виленский Гаон (Элияху бен Шломо Залман), известнейший духовный лидер литовских евреев и противник хасидов, практически не общался с простыми людьми, настолько глубоко он погружался в изучение священных текстов и написание собственных трудов. Так же и бедные ремесленники или торговцы, которые не имели возможностей учиться в йешиве, не слишком интересовались делами, происходившими в религиозной верхушке.

С другой стороны, община хасидов устроена по концентрическому принципу: в центре стоит харизматический лидер – цадик, а все остальные члены общины находятся на одинаковом от него расстоянии, и цадик общается с каждым из них непосредственно. Такое устройство характеризует мистическую направленность хасидизма. Как и было сказано выше, индивидуальное общение с Богом, поиск прямой связи выходит здесь на первый план, цадик как более близкая к Богу фигура может помочь каждому хасиду найти пра-

¹ См.: Туров И. Ранний хасидизм: История. Вероучение. Контакты со славянским окружением. Киев, 2003. С. 3.

² См.: Полонский П. Введение в философию иудаизма [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.org.ua/books/polon02/index.htm>. Дата обращения – 25.03.2011.

вильный путь воссоединения с Богом. Сам цадик обладает совершенно особым статусом. Его лидерство никак не закреплено формально и не обуславливается более высоким классовым положением, более высоким доходом или большей степенью образованности. Лидерство цадика основывается прежде всего на личной харизме, он наделяется исключительными качествами. Из хасидских преданий видно, что даже происхождение душ особо выдающихся цадиков считается особенным, отличным от других¹. Таким образом, положение цадика в общине можно охарактеризовать как «первый среди равных».

Хасидизм произвёл двойной переворот в иудаизме – духовный и социальный. Появилась совершенно иная модель взаимоотношений Бога и человека, отношения человека к миру, иной тип общины. Такие нововведения казались опасными традиционному большинству, что и порождало конфликты.

Во взаимоотношениях хасидов и сторонников традиционного иудаизма (миснагдим) были периоды острой борьбы, открытого неприятия, обвинений в раскольниковстве и отсталости (на это указывают сохранившиеся хасидские предания и исторические свидетельства). Так, например, в 1772 г. во всех синагогах и бейт-мидрашах Вильно был провозглашён херем (отлучение от общины) против хасидов. Раввины призывали всех евреев не только не присоединяться к хасидам, не принимать их идеи, но и разгонять их собрания. Такое отношение к хасидам продолжалось до конца XVIII в. Впоследствии, к XIX в., вражда постепенно стала угасать. Движение навстречу друг другу было инициировано сторонниками обоих движений, хотя они и сохранили свою идентичность и не слились воедино. Свою роль сыграло и светское законодательство: в 1804 г. в Российской империи было издано «Положение о евреях», по которому обеим сторонам разрешалось создавать свои синагоги и избирать своих духовных лидеров. Кроме того, еврейским общинам запрещалось прибегать к наказаниям и отлучениям. Таким образом, к середине XIX в. отношения хасидов и литваков полностью стабилизировались.

На данный момент хасидизм является одним из направлений ортодоксального иудаизма, хасидские общины существуют в Израиле, США и Европе. Они до сих пор ведут довольно закрытый образ жизни, сохраняют традиции и самобытность. Однако нельзя сказать, что в этих общинах отрицается связь с внешним миром и адаптация в обществе. В хасидизме отдельно подчёркивается ценность семейных связей, развития личности и поддержания отношений внутри общины – таким образом, приверженность хасидизму ни в коем случае не мешает полной социальной адаптации. История хасидизма и его социальные последствия показывают несостоятельность первоначальных обвинений в раскольниковстве и деструктивности. Напротив, хасидизм сыграл довольно важную роль в формировании культуры и мировоззрения евреев Восточной Европы, определил самобытность еврейских общин, помог преодолеть сложный период в истории еврейского народа.

¹ См.: Бубер М. Хасидские предания: Первые наставники. М., 1997. С. 54.

Итак, конфликт миснагдим и хасидов – конфликт мистиков и рационалистов, новаторов и традиционалистов, сторонников иерархии в общине и приверженцев одного харизматического учителя, с которым каждый может войти в личный контакт. Миснагдим выступали как религиозное большинство, не принимающее иной подход к вероучению, стремящееся сохранить свою целостность и единство. Аналогичную реакцию можно наблюдать всякий раз, когда из какой-либо значимой, крупной религиозной системы выделяется небольшое число «инакомыслящих» (другим историческим примером может служить христианство в иудео-христианский период и далее, позднее, протестантизм, отделившийся от католичества). Первоначальное неприятие новых религиозных идей является обычной реакцией большинства и не может считаться обоснованным критерием деструктивности того или иного религиозного движения.

Таковыми критериями могут стать лишь открытые призывы к насилию, отрицание социальной адаптации, насильственное ограничение контактов с внешним миром и прямые нарушения законодательно закреплённых прав человека.

А. С. ЕРМАГАНБЕТОВ

курсант Челябинского института МВД России

КАК ЛИШИТЬ РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ СОЦИАЛЬНЫХ КОРНЕЙ?

Экстремизм – приверженность к крайним взглядам и действиям. Экстремизм порождает социально-экономические кризисы, деформации политических институтов, резкое падение жизненного уровня, ухудшение социальных перспектив значительной части населения, доминирование в обществе чувств, настроений хандры, социальной и личной нереализованности, неполноты бытия, страх перед будущим, подавление властями оппозиции, инакомыслия, блокирование легитимной самостоятельности индивида, национальный гнет, амбиции лидеров, политических партий, ориентации лидеров политического процесса на экстремальные средства политической деятельности¹.

Идеология экстремизма отрицает инакомыслие, жестко утверждает собственную систему политических, идеологических, религиозных взглядов. От своих сторонников экстремисты требуют слепого повиновения и исполнения любых, даже самых абсурдных приказов и инструкций. Аргументация экстремизма обращена не к разуму, а к предрассудкам и чувствам людей. Доведенная до крайности, идеологизация экстремистских действий создает особый тип сторонников экстремизма, склонных к самовозбуждению, потере контроля над своим поведением, готовых на любые акции, на нарушение норм, сложившихся в обществе.

Социальную базу экстремизма составляют маргинальные слои, представители националистических, религиозных движений, недовольные существ-

¹ См.: Залужный А. Г. Экстремизм. Сущность и способы противодействия. // Современное право. 2002. № 12.